

— Это несправедливо, — с горечью сказал Джанни Скала, кружа вокруг меня в яме. Его клинок из искусно выкованной бронзы, мерцавший в лучах заходящего солнца, с тихим шипением рассекал воздух. — Почему небеса вознаграждают тебя за то, что ты пренебрегаешь всем, что тебе дано? Ты относишься к этой жизни как к шутке, ты всегда так делал, и тебя вознаграждают за это на каждом шагу!

По ходу Дневных Игр Молодой Аристократ Пылающего Заката всё больше и больше впадал в отчаяние. Он был прилежным учеником своего культа. Яростным спортсменом. Если бы я не присутствовал, он доминировал бы почти на каждом состязании.

Но я присутствовал. И поэтому он проигрывал и продолжал проигрывать. Мои прыжки, как в длину, так и в высоту, были лучше. Моё метание копья и диска, лучше. Мой спринт и верховая езда, лучше. Во всём, что имело значение, я был лучше. Мы были идеальным отражением наших отцов.

Я поморщился и сплюнул.

— Мы сыны наших семей! — Он продолжал. — Наш долг нести факела наших отцов! — Отчаяние чуть не захлестнуло его, но он всё же попытался отвлечь меня лицемерной руганью, пока он отчаянно искал лазейку в моей стойке. Боевые состязания сами по себе были играми внутри игр. Победа здесь принесёт ему более чем достаточно славы.

Каждому из нас пришлось победить трёх противников в вооружённом бою, чтобы войти в финальный матч. Джанни, к его чести, не получил ни единой царапины. Работа с клинком всегда была его специальностью, сколько я его знал. Так же как я знал это, так и он знал, что панкратион был моей. У него не было надежды на победу в грядущих безоружных боях. Это был его последний шанс.

Он ринулся вперёд, очевидно, найдя свою цель. Его клинок поймал свет падающего солнца и вспыхнул кроваво-оранжевым пламенем, когда он рухнул с небес на землю.

Это была очевидная истина, что не все методы культивирования были созданы одинаковыми. Они были проявлением добродетельной души человека, сформированной его непоколебимой волей и опытом, который формировал его на протяжении всей жизни. Намерение и исполнение были двумя силами, которые определяли общее качество техники, но также было возможно, что само происхождение могло быть фактором, способствующим этому.

Два главных культа Алого Города тщательно хранили в секрете, что наши основополагающие техники связаны с нашими тайнами. Розовые-Пальцы Зари были техникой, которая набирала силу и ослабевала по мере того как солнце прокладывало себе путь сквозь небеса. Сильнее всего она была на рассвете, когда первые лучи солнца пробили дальний горизонт. В зените полудня она была настолько слаба, насколько это возможно. Потому что в этот момент Пылающий-Край Заката начинал набирать силу.

То, что небоевые состязания были отнесены на первую половину дня, когда основополагающая техника Культа Пылающего Заката была наиболее слабой, не было совпадением. Пылающий Закат долгое время пользовался непропорциональным влиянием в Алом Городе, и структура его Дневных Игр отражала это.

Мог ли Дэймон Этос изменить эти порядки, перестроить вещи в пользу Розовой Зари? Конечно. Это было вполне в его силах. Он просто решил не делать этого.

Пылающий-Край Заката был наиболее силен при использовании в падающем ударе в свете

заходящего солнца. Джанни обрушил на меня свой клинок, используя всю силу своего тела, сквозь его стиснутые зубы бил пар. Мой собственный клинок поднялся, чтобы встретить его. Розовые-Пальцы Зари были сильнее всего, при использовании в восходящем ударе в свете восходящего солнца. В это время суток я мог выполнить только одно из этих двух условий.

К сожалению, техника не могла восторжествовать только на основе истоков и мистицизма. Триумф был промыслом тиранов. Исполнение было королём. Дэймон Этос не удосужился изменить город в погоне за дешёвыми преимуществами, потому что он не нуждался в них.

Моё угасающее лезвие зари ударило по его мечу и разбило его.

— Лио Этос!

— Ты когда-нибудь покидал этот город, Джанни? — спросил я, лениво разминая плечо. Мой соперник, каким бы смехотворным не было это заявление, молча смотрел на меня, пока мы кружили вокруг друг друга.

Игры подходили к концу. После вооружённого боя последовала борьба, а затем бокс, от участия в которых воздержался наследник Пылающего Заката. При обычных обстоятельствах — это было бы ужасной потерей репутации вот так отказываться от участия, особенно как ведущий спортсмен его культа, но я сомневался, что кто-нибудь будет использовать это против него, учитывая его неизбежного противника. Это было понятно, что он сохранит своё тело для последнего состязания, единственного, которое имело значение. Панкратиона.

Возможно это было неудивительно, что я медленно расслаблялся, в течение состязаний по борьбе и боксу. Они успокоили мою бушующую душу, дали бальзам моему сердцу. Рукопашный бой всегда был моим стилем. Таким, каким и должен был быть конфликт. Он был простым. Он был глубоким.

Он был свободным.

Джанни пригнулся и сделал два быстрых шага вперёд, пытаясь выбить меня с ринга. Я заблокировал то, от чего нельзя было увернуться, встретил его поднятое колено моим и смаковал хруст кости о кость. Джанни вздрогнул, слегка запнувшись, когда попытался повернуться на раненом колене, и я толкнул его обратно двумя ладонями в грудь.

Я мог бы сделать больше, конечно. Но вместо этого я ходил вокруг него, задаваясь вопросом.

— Я приму твоё молчание за отказ, — сказал я. — Но ты наверняка думал об этом. Представь на мгновение, что культов не существует. Если бы ты мог пойти куда угодно, в любую точку этого мира, куда бы ты пошёл?

— Никуда, — выплюнул Джанни. — Моё место здесь.

Этот лицемерный лжец.

— Ты бы пошёл "никуда", — презрительно повторил я. — Ты бы увидел "ничего"? Где твоё

любопытство? Где страсть твоей души?!

Я ударил его один раз, второй, кросс и правый хук в почку, и он согнулся над моим кулаком. Толпа кричала и неистовствовала, зная с самого начала как всё пойдёт. Я смёл его ноги из-под него и оседлал его на песке. Он дёргался и брыкался, извиваясь, как выброшенная на берег рыба, пытаюсь вырваться из моей хватки. Его руки горели, его основополагающая техника достигла пика своей мощи, когда алое солнце коснулось вершины западного горного хребта.

Это даже близко не походило на бой, который дал мне Сол с кандалами на запястьях. Ах, опять эта ярость. Я зарычал и вонзил правое предплечье Джанни в затылок, прижав его к песку.

— Ты никогда не задумывался, какова жизнь на самом деле? Настоящая вещь, а не эта карикатура, созданная для нас нашими отцами. Разве ты не хотел бы, чтобы твои первые Дневные Игры были настоящими? Соревнование, в котором примут участие настоящие культиваторы, а не эти отобранные вручную отбросы? Ты не хуже меня знаешь, что сегодня мы единственные спортсмены, которые имеют значение. Ты же знаешь, что это было сделано намеренно, а не по добродетели!

Он вырвался из-под пресса и перевернулся на спину, обхватив меня обеими ногами, пытаюсь удержать меня контр-хватом. Это было небрежно. Это было слабо. Я ударил его лбом в нос и сломал его.

— Мне жаль твоего отца, — прохрипел Джанни. — За то, что ты его сын.

Я усмехнулся: «И мне жаль раба, который хвалит своего господина».

На этот раз я не позволил ему вырваться из моих удушающих объятий. Он боролся и вырывался до последнего сознательного вздоха, но у него никогда не было шанса. Судьбы решили всё за него заранее, и он поблагодарил их за эту привилегию.

— ЛИО ЭТОС!

Шум был оглушительным. Я встал, высокий и торжествующий в последних лучах заходящего солнца, и посмотрел на мою семью. Скупое одобрение от моих дядей. Яркие аплодисменты Мирона и Рены были почти достаточны, чтобы вызвать улыбку на моём лице. Лидия почти сияла от гордости. Даже Херон и Кастор не могли не поаплодировать мне.

Я встретился взглядом с моим отцом. Дэймон Этос кивнул. И ничего больше. Не было ни гордости, ни радости. В конце концов, я сделал только то, что от меня ожидали.

Я стоял там и принимал похвалу и обожание пятидесяти тысяч человек, и ещё больше из-за пределов стадиона. Я принимал короны из лавровых листьев, по одной за каждое выигранное состязание, то есть за все. Я подыгрывал толпе, наваливал их друг на друга, пока они не свалились с моей головы на песок. Я предлагал их спортсменам, занявшим вторые и третьи места в различных видах спорта, а когда они решительно отказывались, я пожимал плечами и носил их на шее, на бицепсах, везде, где они держаться.

Сумерки, наконец, перешли в ночь, и в проходах Алого Стадиона были зажжены факелы, чтобы осветить церемонию закрытия. Их мерцающий свет превратил зрителей в тени, пятьдесят тысяч лиц, неясных и безликих. Я понял, что это ничего не изменило.

Я купался в их организованном поклонении. И я понял.

Они все были рабами. Каждый из них. И я тоже.

Этот город и есть цепь.

Моя пневма запульсировала и разорвалась внутри моей души, расширившись за пределы, которые сковывали её в течение последнего года моей жизни. Этот почти забытый прилив экстаза разлился по моим венам, наполняя меня радостью. Моё добродетельное сердце переполняло мою грудь.

Я поднялся с девятого ранга Гражданского Царства на десятый.

Мои кузены сходили с ума на трибунах. Зрители были ещё хуже. Я вышел из круга победителей, одетый в короны из лавровых листьев, с гордо поднятой головой, как хороший маленький наследник, коим я был. Я прошёл мимо тысячи цепких рук, каждая из которых тянулась из тени, отбрасываемой факелом, чтобы коснуться моей смазанной маслом кожи. Чтобы поймать триумф своими никчёмными пальцами.

— И это всё? — спросил меня раб, когда я проходил мимо, его хмурые черты были освещены факелом в его руке.

Он выглядел так, как я себя чувствовал. Потерянным.

— Наверное, да, — сказал я и пошёл дальше.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3120622>